

лемизируя с В. Эренбергом и некоторыми другими зарубежными исследователями, считает, что он возник на рубеже VIII—VII вв. до н. э., то есть задолго до реформ Солона, в период, когда была значительной роль греческих полисов в колонизации Средиземноморья. П. Олива не сомневается в том, что на протяжении VIII в. до н. э., или даже раньше, полис существовал, получив определенное экономическое, социальное и культурное очертание; о более раннем этапе мы знаем слишком мало, но можем предположить, что греки использовали и опыт развитых государств Ближнего Востока.

Таким образом, историки ЧСФР изучали проблемы развития архаической Греции всесторонне и достаточно глубоко. Их исследования отличает хорошее знание источников и литературы, убедительность аргументации и выводов. В целом эти работы вносят серьезный вклад в марксистскую историографию античной истории.

В. Г. БОРУХОВИЧ

Агесилай в Египте

Египетская экспедиция престарелого спартанского царя Агесилая особенно интересна в том отношении, что позволяет оценить объективность образа, созданного Ксенофонтом¹, стремившимся представить своего героя рыцарем без страха и упрека.

В действительности у Агесилая уже не оставалось и тени былых доблестей спартанских воинов, которыми они блистали во времена царя Леонида. И Агесилай, и его спартанское окружение превратились в худший сорт наемных вояк, готовых в любой момент предать нанявшего их патрона и перейти на сторону того, кто им больше заплатит. Агесилай был не столько полководцем (хотя он и обладал опытом ведения военных действий большого масштаба), сколько прожженным и бессовестнейшим политиканом. Пороки, которые ему уда-

¹ См.: Фролов Э. Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист. наук. 1958. № 251. Вып. 28. С. 41 сл.; См. также: Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. Т. 24 сл.; *Greitenbach Xenophon* // RE. 2 R. 1967. Hbd. 18. Sp. 1571—1578. Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия / Изд. подг. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. М., 1976. С. 248; Лурье С. Я. Ксенофонт и его «Греческая история» // Ксенофонт. Греческая история / Пер. С. Лурье. Л., 1935. С. VIII.

валось как-то скрывать в молодые годы, к старости высветились в его характере со всей отчетливостью и определенностью, особенно в последний год жизни, проведенный на службе у египетских царей, постоянно восстававших против персидского господства и широко использовавших для этой цели греческих наемников (по традиции, установившейся со времен Саисских фараонов).

Агесилай вмешался в освободительную борьбу фараонов 30 династии при следующих обстоятельствах.

В 366 г. до н. э. знамя восстания против персидского царя подняли сатрапы Каппадокии Датам и Геллеспонта Ариобарзан. Последнему оказали помощь Афины, пославшие флот под командованием Тимофея, и царь Спарты Агесилай, явившийся туда с дипломатической миссией. Персидский царь поручил подавить мятеж сатрапу Лидии Автофрадату, которому должны были оказать в этом деле поддержку правитель Пафлагонии Котис и карийский династ Мавсол. Автофрадат осадил Ариобарзана в Ассе (небольшой город на севере Троады), но был вынужден снять осаду. Главную помощь Ариобарзану оказал афинский флот, Агесилай же, по обыкновению, занимался дипломатией². Но Ксенофонт, извращая истинное положение вещей, в указанном месте речи «Агесилай» изображает дело так, будто Автофрадат «испугался» Агесилая.

Вскоре восстание охватило всю Малую Азию, и к мятежникам присоединились сатрап Ионии Оронт, Мавсол и даже сам Автофрадат. Восставшие заключили союз с царем Египта Тахом и со Спартой в 362 г. до н. э. Движение «против великого царя» началось также в Сирии и Палестине: произошло «великое восстание сатрапов». Но восставшие действовали каждый на свой страх и риск, преследуя узко эгоистические цели, и это облегчало задачу персидскому царю. Дипломатическим путем (обещаниями включить в состав сатрапий новые территории), а также богатыми подарками он сумел переманить на свою сторону Оронта, главу мятежников. Оронт арестовал прибывших к нему от других сатрапов посланцев, которые привезли деньги для набора 20 000 греческих наемников,

² Xen. Ages. II, 26; Νεσρος, Dat. 5. В благодарность Ариобарзан передал Афинам Сест и Критоту на Херсонесе. Агесилая же вознаграждал деньгами, в которых так нуждалась Спарта («золото Ариобарзана весило больше, чем спартанские железные деньги» — саркастически замечает по этому поводу Бенгтсон — Bengtson H. Griechische Geschichte, 5 Aufl. München, 1979. S. 257.

что ныне, считаясь на словах союзником Спарты, он потребовал освобождения Мессенин»¹³.

Как мы увидим, «благодарность» Агесилая выразилась в том, что в самый критический момент он предал Таха, перейдя со своим наемным войском (наятым на деньги Таха) на сторону его противника (Ксенофонт делает неуклюжую попытку оправдать своего героя, но Плутарх в биографии Агесилая оценит этот факт по достоинству). Тем не менее демагогическая фразеология Ксенофонта отражает наличие издавна сложившихся связей между Египтом фараона Таха и Спартой, так нуждавшейся в это время в денежных средствах.

По сведениям Диодора, общее число наемников, поступивших на службу к фараону Таху, равнялось 10 000, но это несомненное преувеличение, как и количество египетских воинов Таха — 80 000. Агесилай, по словам Диодора, явился в Египет, захватив с собой 1000 спартанцев¹⁴. Сведения, которые Плутарх сообщает в биографии Агесилая, примерно совпадают со сведениями Диодора. По словам Плутарха, царь Агесилай на деньги, полученные им от фараона Таха, набрал наемников и с ними отплыл в Египет, захватив с собой 30 спартанцев в качестве советников¹⁵.

Данные Плутарха отличаются большей взвешенностью и интересны тем, что автор точно определяет состав войска Агесилая: это были наемники. Сведениям Диодора, согласно которым Спарту покинули 1000 спартанцев, доверять нельзя.

¹³ Речь идет о недавно основанном городе Мессена, возникшем вскоре после 369 г. до н. э., незадолго до приглашения Агесилая в Египет (Х е п. Ages. II. 29; P a u s. IV. 27, 9; P l u t. Agesil. 34). Потеря Мессени тяжело отозвалась на экономическом и политическом положении Спарты — см.: O l i v a P. Op. cit. P. 189. А. Тойнби пытался связать с этим фактом реформу эфора Эпитадея. См.: T o u n b e e A. The Growth of Sparta // J H S. 1913. 33. P. 272. Спартанцы упорно не хотели признавать Мессену независимым государством (N i e s e B. Beiträge zur griechischen Geschichte // Hermes. 1904. 39. S. 93). Вскоре после основания Мессены был заключен очередной договор «О всеобщем мире» по настоянию персидского царя (о нем упоминает Диодор — XV. 76). По-видимому, именно это вмешательство персидского царя, приведшее к признанию Мессены Коринфом и Фивами, имеет здесь в виду Ксенофонт («Всеобщий мир» мешал Спарте напасть на Мессену).

¹⁴ D i o d. XV. 9. 2. Эд. Мейер (Forschungen zur alten Geschichte. 1889. II. S. 508) относит появление Агесилая в Египте к лету 361 г. до н. э., и эта датировка наиболее вероятна. См. также: O l i v a P. Op. cit. P. 196.

¹⁵ Плутарх и Корнелий Непот (P l u t. Ages. 36; C. N e p o s. Ages. 8) сообщают, что Агесилаю было в это время 80 лет. Но, так как Агесилай умер, покидая Египет, в возрасте 85 лет, то можно сделать вывод, что в момент прибытия туда ему было уже далеко за 80.

Согласно Аристотелю, в Спарте этого времени насчитывалось всего 1000 граждан¹⁶. Командование флотом Тах поручил афинскому стратегу Хабрию, который, в отличие от Агесилая, прибыл в давно знакомый ему Египет по собственной инициативе, без решения соответствующих государственных органов Афин¹⁷. Хабрий был не только полководцем на службе у Таха, но и советником по политическим и экономическим вопросам. Он дал Таху несколько дельных советов, пользуясь которыми Тах изыскал средства для ведения войны с персами. По предложению Хабрия он оставил жрецам только десятую часть доходов, которые они получали раньше: остальные средства должны были поступить в царскую казну до окончания войны¹⁸. Ненависть к персам была столь велика, что жрецы охотно пошли на эту меру. Также по совету Хабрия Тах установил налог с оборота по продаже хлеба как с покупателя, так и с продавца в размере одного обола с артабы. Хлеб был главным предметом экспорта из Египта, и этот налог должен был принести особенно большой доход казне Таха. Был установлен также налог на ремесленников в размере одной десятой части дохода, и произведен заем у частных лиц. В данном случае Хабрий использовал государственный опыт Афин, где практиковался чрезвычайный военный налог (так называемая эйфора).

Готовясь к открытию военных действий, Агесилай посоветовал Таху оставаться в Египте и руководить военными действиями через своих полководцев, но Тах не внял этому совету, вероятно, потому, что не очень доверял Агесилаю.

Весной 360 г. до н. э. войско Таха, состоявшее из двух армий, вторглось в Палестину и Сирию. Одна из армий расположилась лагерем в Финикии. Воспользовавшись отсутствием Таха, оставленный в Египте наместник привел в исполнение план, сложившийся у него, как можно предполагать, еще ранее, и открыто заявил об отпадении от Таха. При этом он вступил в связь с командующим войсками Таха, находившимися в Сирии, — своим сыном, которого также звали Некта-

¹⁶ Aristot. Pol. II. 1270 A 23. Как подчеркивает Финли, в Спарте этого времени наблюдается catastrophic decline in manpower (Finley M. J. Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 116).

¹⁷ Хабрий выполнял функции адмирала, тогда как Агесилай командовал пехотой (C. Nepos. Chabr II: Aegyptiae classi praefuit, pedestribus copiis Agesilaus).

¹⁸ Aristot. Oeconom. II. 2. XXXVII. P. 1353 A.

небис (египетское имя — N H T — HR — H B J. T) ¹⁹. Есть основания считать, что самому Таху он приходился племянником ²⁰. Приккнув к восставшим против Таха, Нектанебис намеревался стать царем Египта. Так началась междуусобная борьба, значительно ослабившая силы Египта в борьбе за независимость.

Исход ее во многом зависел от того, какую позицию в ней займут наемники во главе с Агесилаем. Хабрий из всех сил уговаривал Агесилая не поддаваться на соблазнительные предложения претендента и сохранить верность Таху. Однако Агесилай его не послушал и занял откровенно враждебную позицию по отношению к Таху. Кинитц пытается объяснить поведение Агесилая тем, что Тах и его окружение насмеялись над непритязательной внешностью Агесилая ²¹. Когда Агесилай и его свита высадились в Египет, Тах и его ближайшее окружение были крайне разочарованы внешностью спартанского царя. «Перед ними был невзрачный старичок небольшого роста, лежавший в грубом простом плаще где-то в траве на берегу моря. Они не смогли удержаться от острот и смеха, говоря, что, по пословице, гора родила мышь» ²².

Параллели к этому рассказу моралиста можно найти в ряде других античных источников, но вряд ли следует принимать их на веру. Во всяком случае, циничного старого кондотьера, руководствовавшегося в своих действиях неизменно грубым расчетом и в душе глубоко презиравшего египтян, пренебрежительное отношение последних вряд ли могло взволновать. Решение Агесилая определялось только одним — величиной суммы, предложенной претендентом. Чтобы замаскировать свой предательский поступок, возможно, не вызывавший одобрения и некоторых его соратников, Агесилай отправил послов в Спарту для консультаций со спартанским правительством (а в действительности для того, чтобы формально утвердить уже принятое им решение). Туда же поспешили направить своих послов Тах и Нектанебис. Разумеется, спартанское правительство «утвердило» решение Агесилая, и тот сразу же поставил своих наемников на службу Нектанебису.

¹⁹ Струве В. В. Списки Манефона царей позднего Египта. М., 1935. № 5. С. 119; Meyer Ed. Kleine Schriften. B. II. Halle, 1924. S. 77. Претендент стал затем египетским царем Нектанебисом II. См.: Kienitz F. Op. cit. S. 172.

²⁰ Kienitz F. Op. cit. S. 97. Плутарх в биографии Агесилая прямо называет этого Нектанебиса племянником Таха.

²¹ Kienitz F. Op. cit. S. 96.

²² Plut. Agesil. 36.

Потеряв поддержку наиболее боеспособной части войска, Тах бежал к персидскому царю. Ему было суждено и умереть там, на чужбине, при дворе персидского царя, как мы узнаем из сообщения Элнана²³.

Совершенно иной характер носит освещение этих событий у Диодора²⁴. По его словам, в дельте Нила появился еще претендент на престол, собравший под свои знамена более 100000 воинов (Киниц справедливо называет эту цифру «бессмысленной»)²⁵. Тогда, якобы, Агесилай стал уговаривать Таха продолжать борьбу и ободрял его, заявляя, что число воинов в бою не является решающим фактором. Диодор далее рассказывает, как в последовавшем сражении Агесилай разбил войска противника Таха, и в результате одержанной победы Тах вернул себе власть над Египтом. Благодаря полководческому искусству Агесилая преимущество в силах, которым обладал претендент, оказалось бесполезным. После этого Тах наградил Агесилая богатыми подарками, и спартанский царь покинул Египет²⁶.

Этот рассказ ни в малейшей степени не соответствует действительности. Вслед за Карштедтом и другими исследователями Киниц полагает, что здесь просто перепутаны имена: Нектанебис II назван Тахом, а новый претендент (как полагает Киниц, потомок XXIX династии) назван Нектанебисом²⁷. Можно предположить, что источник, использованный Диодором, содержал преднамеренное искажение истины, причина которого понятна: он старался скрыть факт позорного предательства, совершенного Агесилаем. Подобная же тенденция ясно выражена в трудах Ксенофонта, написавшего после смерти Агесилая панегирик своему другу. Напротив, Плутарх в жизнеописании спартанского царя говорит о совершенном им предательстве. В оценке Плутарха отразилась другая, скорее всего, афинская традиция, по справедливости оценившая деятельность Агесилая.

В речи Ксенофонта «Агесилай» мы читаем о каком-то чувстве благодарности, которое Агесилай испытывал к Египту за оказанные Спарте благодеяния (имеется в виду, конечно, ма-

²³ A e l. Var. hist. V. 1.

²⁴ Di od. XV. 93. 2—6.

²⁵ Kienitz F. Op. cit. S. 98. Anm. 1.

²⁶ Рассказ Диодора весьма критически оценивается всеми новейшими исследователями. См.: Diodorus of Sicily. With an engl. Translation by Ch. Sherman. V. VII. London, 1952. P. 213. N 2.

²⁷ Kienitz F. Op. cit. S. 98; Kahrstedt. Forschungen zur Geschichte des ausgehenden V und IV Jdhrhundert. B. 1910. S. 4. Anm. 6.

териальная помощь). Если принять во внимание время, к которому относятся затрагиваемые в рассказе события, эти благодеяния должны были быть оказаны фараоном Тахом. Как-то намеки мы находим и у Ксенофонта в цитированной речи: «Агесилай совершил поистине удивительные деяния: и те, кто считал себя обязанным ему, и те, кто вынужден был бежать от его войск — все давали ему деньги»²⁸. Заметим попутно, что «удивительным» здесь является лишь корыстолюбие Агесилая, наложившее заметный след на его «подвиги». Вслед за цитированным местом Ксенофонт добавляет: «И Тах, и Мавсол, которые ради прежней дружбы с Агесилаем ссужали Спарту деньгами, отправляя его на родину, предоставили ему почетный эскорт»²⁹.

Отсюда можно сделать вывод, что Спарта получала от Таха деньги еще до того, как Агесилай отправился в Египет для принятия командования наемными войсками Таха. Возможно, что еще до поездки Агесилая, в 362 г. до н. э. Тах приступил к вербовке греческих наемников, пользуясь услугами Агесилая — к такому выводу приходит, например, Эд. Мейер³⁰.

Перейдем теперь к самому интересному месту речи Ксенофонта, где автор пытается как-то обелить своего героя. «Но после того, как египетский царь пригласил его, но не предоставил ему командования, Агесилай оказался жестоко обманутым и стал раздумывать, как поступить ему в дальнейшем. В это время от войска египетского царя, разделенного на две части, сначала отпала значительная армия, затем и все остальные оставили его. И сам царь, струсив, бежал, спасая свою жизнь, в финикийский город Сидон. Разделившись на две части, египтяне избрали себе двух царей. Агесилай подумал, что если он останется нейтральным, то ни один из обоих претендентов не выплатит эллинам жалованья за службу и не предоставит рынка для снабжения эллинских воинов припасами. Более того, тот, кто победит, непременно станет их врагом. Напротив, если он примет сторону одного из двух претендентов, то этот человек, добившись успеха, станет его другом. Рассуждая таким образом, Агесилай встал со своими воинами под знамена того, кто казался более дружелюбно настроен по отношению к эллинам. Одержав победу над другим претендентом, кото-

²⁸ Xenophon. Ages. II. 27.

²⁹ Там же. Необходимо, однако, отметить, что слово «Тах» в рукописях не читается и является конъектурой текста.

³⁰ Meyer E. d. Geschichte des Altertums. V. S. 454 ff.

рый относился к эллинам с ненавистью, он взял его в плен, первого же поддержал. Сделав последнего другом Спарты, Агесилай получил от него большую сумму денег и отплыл на родину, хотя была уже середина зимы»³¹.

Здесь необходимо сделать несколько пояснений, прежде чем перейти к анализу этого текста. Когда против Таха восстал его племянник Нектанебис (по другим версиям двоюродный брат), ставший затем фараоном Нектанебисом II, то в Мендесе, в дельте Нила, появился еще один претендент на египетский престол. Он также попытался привлечь на свою сторону греческих наемников во главе с Агесилаем, но тот оставил свой выбор на Нектанебисе. Предать одного за другим сразу двух патронов — это было слишком даже для Агесилая! Его не поняло бы и спартанское правительство, к которому он посылал своих порученцев с задачей всячески поносить Таха и хвалить Нектанебиса (как сообщает Плутарх в жизнеописании спартанского царя). Но главное, вероятно, заключалось в том, что предложенная Нектанебисом сумма вполне устраивала спартанского царя.

Анализ цитированного пассажа Ксенофонта показывает следующее. Автор пытается убедить нас, что Тах жестоко оскорбил Агесилая, не предоставив ему верховного командования над всеми войсками. Эта же мотивировка представлена и у Плутарха в биографии Агесилая. Но подобное условие и не входило в договорные отношения между Тахом и Агесилаем! Последний был лишь предводителем наемных войск, которые он набрал на деньги Таха. Еще во времена Саисских фараонов установился обычай, согласно которому египетские цари, использовавшие у себя на службе греческих наемников, не объединяли их со своими войсками, которые в греческих

источниках обычно называются *μαχιμοί*. Этим термином еще Геродот обозначал военное сословие египтян³². В Абу-Симбельской надписи времен фараона Псамметиха II мы ясно различаем два отряда войск фараона — египетский и греков-наемников, которые в надписи названы «иноязычными»

(*'αλ(λ)οῦλο(σ)οῖς*)³³. Если бы Агесилай рискнул выставить

³¹ Х е п. Ages. II. 30—31.

³² Ср., например, Herod. II. 30.

³³ Лучшее издание надписей Абу-Симбела см. в статье: Bernard A., Masson O. Les Inscriptions grecs d'Abou-Simbel // REG. 1957. T. LXX. P. 1—46; Cf. Jeffery L. The local scripts of archaic Greece. Oxf., 1961. P. 355 sq.

подобное требование о предоставлении ему верховного командования войсками Таха, то фараон это условие вряд ли стал бы выполнять — это ставило его в полную зависимость от Агесилая. В армии Таха, вторгшейся в Сирию и Палестину, египетскими «махимой» командовал египтянин, родственник Таха (что не помешало ему восстать против законного фараона).

Решающим обстоятельством, которое должно было определить позицию Агесилая в разгоревшейся гражданской войне, было то, что деньги для набора наемников он получил от Таха. У наемников выработался свой «кодекс чести», и Агесилай, перешедший на сторону Нектанебиса, грубо нарушил этот кодекс. Вот что пишет по этому поводу Плутарх: «Агесилай перешел с наемниками от Таха к Нектанебису, прикрыв интересами отечества» свой странный, необъяснимый поступок. Если отнять этот предлог, то мы с полным правом можем назвать этот поступок предательством»³⁴. В конце парной биографии Агесилая и Помпея, в своем наивном сравнении моральных качеств того и другого, всегда в общем добродушно настроенный моралист не смог умолчать о том, что Агесилай «достиг трона с помощью средств, заслуживающих порицания как со стороны богов, так и со стороны людей»; а в конце, оценивая достоинства Агесилая как полководца, он подчеркнул, что «если талант великого полководца заключается в том, чтобы заставить противника принять сражение, будучи сильнее его, и уклониться от боя, уступая ему численностью, то Агесилай всегда оставался непобедимым...». Надо учесть, что Плутарх всегда стремился представить великих греков достойными предшественниками римлян, и если он решил порицать Агесилая, то на это у него были веские причины. Он обладал великолепной библиотекой, где были собраны сочинения многих греческих историков, и не смог обойти молчанием отрицательную оценку поведения Агесилая, которую нашел в греческой историографии определенного направления.

Кратко изложим события, связанные с последними днями пребывания Агесилая в Египте.

Претендент из Меидеса запер войска Агесилая и его нового патрона Нектанебиса в одном из городов Дельты (Эд. Мейер, основываясь на так называемой «Демотической хронике», египетском источнике, изданном Шпигельбергом, полагает, что это был Гераклеополь)³⁵. Так как взять город штур-

³⁴ Plut. Ages. 37.

³⁵ Meyer Ed. Kleine Schriften. II. S. 80; C. f. Kienitz F. Op. cit. S. 98.

мом осаждающим не удалось, они стали окружать его валом и рвом, надеясь взять измором.

Агесилай между тем ждал выгодного момента, чтобы первому напасть на противника. Заметив, что тот ведет ров с двух сторон, он подождал, пока место, где обе части должны соединиться, не станет совсем узким: здесь он и решил атаковать осаждающих. Решение было разумным. Численное превосходство противника, который таким образом лишался возможности произвести маневр на поле боя, сводилось тем самым к нулю (прорытые части рва мешали ему произвести перегруппировку войск). В сражении Агесилай одержал победу, после чего помог Нектанебису утвердиться на престоле. События эти относятся примерно к зиме 360/59 г. до н. э.³⁶

Нектанебис II пытался удержать Агесилая на некоторое время в Египте, но тот торопился доставить в Спарту полученное вознаграждение, 200 талантов (цифра указана Корнелием Непотом в биографии Агесилая. Плутарх в жизнеописании спартанского царя называет сходную цифру — 230 талантов). Хотя была уже зима, Агесилай двинулся в ливийскую гавань (так называемую «гавань Менелая»), чтобы оттуда отплыть в Спарту, но скончался там в преклонном возрасте на 85 году жизни. Сопровождавшие его спартанцы опустили тело царя, которое по спартанским обычаям должно было быть залито медом (способствующим сохранности тела), в воск, за неимением меда, и так доставили его в Спарту³⁷.

Так окончил свои дни спартанский царь, оставив о себе двойственную память в трудах греческих историков. В оценке его деятельности победила апологетическая тенденция. Плутарх закончил биографию царя такими словами: «Сорок один год занимал он спартанский престол, из них более тридцати лет он стоял на вершине могущества и славы. До битвы при Левктрах он считался вождем и царем едва ли не всей Греции». (Plut. Ages. 40).

И. Р. БЛОХИНА

Выступление демократов в Сиракузах в IV в. до н. э.

В нашем представлении демократические тенденции в греческой истории тесно связаны с существованием полисной организации. Становление полиса сопровождалось, как правило,

³⁶ Kienitz F. Op. cit. S. 98.

³⁷ Ibid.